

ГРАЖДАНЕ,
ХРАНИТЕ
ПАМЯТНИКИ
ИСКУССТВА

Февральская революция 1917 года стала переломным моментом в истории России. Образование Временного правительства и отречение Николая II породили в обществе романтические ожидания подлинной свободы и демократии. Но эти надежды не могли заслонить угрозы хаоса и анархии, реальность которых уже подтверждали конкретные факты. Порче и разрушению подвергалось всё без исключения: покинутые императорской семьей дворцы, частные особняки и казенные здания, парки и сады. Общественные комиссии, комитеты и союзы, создававшиеся в Москве и Петрограде на протяжении весны и лета 1917 года, пытались предотвратить или хотя бы преуменьшить нависшую над отечественной культурой опасность.

↓ **Красная площадь
в день Первомая.
Москва. 1 мая 1918**
Частное собрание, Москва

В марте 1917 года в Петрограде, по инициативе Максима Горького, была создана Комиссия по делам искусств. Вскоре она была преобразована в «Особое совещание по делам искусств при комиссаре Временного правительства», в подчинении которого оказалось бывшее Министерство императорского двора. Члены Временного правительства внимательно прислушивались к голосам деятелей культуры из «Особого совещания...», так как понимали, что охватившая Россию смута может перерасти в беспощадный «русский бунт» — тогда любые призывы сохранять и оберегать национальные богатства окажутся уже бессмысленными.

Царские дворцы были взяты под наблюдение Временного правительства, и в конце августа 1917 года, когда возникла угроза приближения немецких войск к Петрограду, было принято решение об эвакуации художественных собраний столицы в Москву. (Особо ценные экспонаты из отделения драгоценностей Императорского Эрмитажа были эвакуированы в Москву в Оружейную палату еще в июле

↑ **В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле.
Москва. 1920**
Частное собрание, Москва

1914 года.) В сентябре–октябре 1917 года по распоряжению комиссара Временного правительства в Москву были отправлены собрания Эрмитажа, Русского музея, музея Академии художеств, Конюшенного музея, Аничкова, Зимнего, Петергофского, Строгановского, Царскосельских, Шуваловского дворцов, собрания Дашковых и Шереметевых. Петроградские собрания были размещены в Историческом музее, Большом Кремлевском дворце и Оружейной палате.

Октябрьский переворот и низложение Временного правительства оправдали самые мрачные предчувствия. Штурм Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 года и последовавшие за ним разгром и массовые хищения дворцового имущества были зафиксированы в журнале Художественно-исторической комиссии под председательством В. А. Верещагина: «Погром этих помещений носил характер такого же ожесточения, которое проявилось с особенной наглядностью в беспощадном истреблении всех изображений царской семьи: картин, портретов, фотографий: так, в приемной изодрана картина, изображающая коронацию Александра III, исколоты штыками портреты родителей Императрицы, похищен, и оказался впоследствии разорванным в ключья портрет б. Государя работы Серова, такая же участь постигла все фотографии Александра III и т. д. В бильярдной похищены бильярдные шары; в библиотеке, служившей кабинетом А. Ф. Керенского, взломан книжный шкаф; в уборной разбиты дверные филенки; в кабинете разбросаны изорванные гравюры и фотографии, письменный стол вскрыт и сдвинут с основных тумб, кожаная обивка на мебели снята, похищен овальный портрет Александра II в шинели и кавалергардской фуражке. Взломаны равным образом столы и шкафы всех остальных комнат, бумаги и книги вынуты и полы покрыты разорванными и смятыми делами Временного правительства»¹. В газетах сообщали, что похищено было художественных ценных вещей на 10–15 миллионов. Впрочем, А. А. Половцов-младший, один из участников осмотра, отметил, что «политическая ненависть занимала здесь гораздо более значительное место, чем жажда грабежа <...>. Похоже, что толпа вдохновлялась духом мести, который временами преобладал над жаждой наживы»².

Пьяными красногвардейцами была ограблена Патриаршая ризница Московского Кремля. То же происходило и в ряде пригородных дворцов. Хранитель Гатчинского дворца-музея граф В. П. Зубов в отчете за 1918 год писал, что «в ночь с 1 на 2 ноября, после исчезновения А. Ф. Керенского, в Кухонное каре дворца прибыло около 400 матросов, а вскоре явились солдаты и красногвардейцы и сразу же начался длившийся более недели разгром дворца, ломалась ценная мебель, отрезались занавеси, пачкались ковры, царапались и резались картины, взламывались двери» («Был изрезан

↑ С. В. Чехонин. Помогите сохранить памятники искусства и старины, говорящие нам о прошлом, без знания которого нельзя строить будущего. Плакат Общества изучения, популяризации и художественной охраны старого Санкт-Петербурга и его окрестностей. Петроград. 1923

Н. И. Купреянов. Граждане, храните памятники искусства. Плакат Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению. Москва. 1919

ГРАЖДАНЕ

ХРАНИТЕ ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА
И СТАРИНЫ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

МОСКВА, НЕРТВЫЙ П. 9.

портрет Елизаветы Петровны, украден эскиз работы Рубенса „Сусанна и два старца“; всего украдено три картины и три миниатюры, несколько вышивок конца XVIII века, украдены золотые часы и золотой портсигар Александра II и еще ряд предметов. В целом же все движимое имущество дворцов удалось сохранить»³.

По всей России запылали дворянские усадьбы. «Почему дырявят древний собор? Потому, что сто лет назад здесь ожиревший поп, икая, брал

Декрет Совета народных комиссаров

О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома

1. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях как России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики.

2. Под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются все Лица, внесенные в родословную книгу бывшего российского императорского дома: бывший наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини и великие княжны и бывшие князья, княгини и княжны императорской крови.

3. Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1-й настоящего декрета, обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета представить соответственные сведения в Народный комиссариат внутренних дел. За умышленное несообщение указанных

в настоящей статье сведений виновные подлежат ответственности, как за присвоение государственного достояния.

4. Уполномоченные Российской Социалистической Советской Федеративной Республики за границей обязаны немедленно по опубликовании настоящего декрета приложить все старания к получению сведений о месте нахождения имущества лиц, указанных в 1-й статье декрета. Находящиеся за границей российские граждане обязаны представить известные им сведения о местонахождении имуществ, указанных в ст. 1-й декрета, соответственным уполномоченным Российской Социалистической Советской Федеративной Республики.

5. Указанные в статье 1-й имущества, находящиеся в пределах Российской Социалистической Советской Федеративной Республики, кроме денежных ценностей, поступают в ведение Комиссариата внутренних дел. Денежные ценности сдаются в доход казны — в казначейства или в учреждения Народного банка, находящиеся же за пределами Республики, в том числе и в заграничных банках, поступают в ведение соответственных уполномоченных Российской Социалистической Советской Федеративной Республики.

13 июля 1918

взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу милых усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок, не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью», — записал Александр Блок в 1918 году⁴.

Эти грабежи серьезно испугали не только культурную элиту, но и новую власть. Художественная интеллигенция, до конца не осознававшая необратимость происходящих перемен, согласилась на сотрудничество с большевиками. Так многие известные деятели культуры оказались на различных должностях в Народном комиссариате просвещения, который возглавил А. В. Луначарский. Комиссариат просвещения был создан уже на следующий день после низложения Временного правительства декретом Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 года. В тот же день Петроградский Военно-революционный комитет назначил комиссаров по охране художественно-исторических памятников и частных коллекций — Б. Д. Мандельбаума и Г. С. Ятманова. Под их руководством действовали художественно-исторические комиссии в Зимнем дворце, Петергофе, Царском Селе и Гатчине, образованные еще Временным правительством.

«Великий передел» художественных ценностей начался практически сразу же после октябрьских событий, им ведали Наркомат государственных имуществ (преобразован из бывшего Министерства императорского двора) и Наркомпрос. Однако наличие двух конкурирующих ведомств продолжалось совсем недолго. Всего лишь спустя полгода, одновременно с переездом правительства из Петрограда в Москву, Наркомимущество был упразднен.

↓ В день октябрьского переворота.
Москва. 25 октября 1917
Частное собрание, Москва

Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» позволил провести полную национализацию всего движимого и недвижимого имущества не только православной церкви, но и храмов всех конфессий. В апреле 1918 года было отменено право наследования. Затем последовала немедленная национализация частных коллекций; в первую очередь народным достоянием объявили принадлежащие русским аристократическим фамилиям дворцы со всеми их бесчисленными художественными ценностями. Вслед за этим было ликвидировано право частной собственности на недвижимость в городах. Произошла конфискация имущества царской семьи: императорские дворцы и музеи были объявлены

↑ Проверка документов в первые дни объявления «красного террора». Сентябрь 1918
Частное собрание, Москва

государственной собственностью сразу же после отречения и ареста императора Николая II. Национализация, которую удалось провести успешно, а главное, в чрезвычайно короткие сроки, позволила сконцентрировать в руках государства такие огромные богатства, о которых большевики не могли и помыслить. Если Российская империя и считалась «задворками» Европы в политическом смысле, то в отношении роскоши, которой умели окружить себя русские аристократы, ей не было равных.

Декрет Совета народных комиссаров

О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений

1) Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чем бы обладании они ни находились. <...>

5) Принятые на учет монументальные памятники, собрания и отдельные предметы могут быть принудительно отчуждены или переданы на хранение в ведение государственных органов охраны, если сохранности их будет грозить опасность от небрежного отношения владельцев, или вследствие невозможности для владельцев принять необходимые меры охраны, или же в случаях несоблюдения владельцами правил хранения. <...>

8) Владельцы монументальных памятников, собраний или отдельных предметов искусства и старины (частные лица, общества и учреждения) обязаны не позднее месяца со дня опубликования настоящего декрета представить общие сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины, а также списки с полным их перечнем в Комиссию по охране и регистрации в Петербурге и Москве и на местах в губсовдепы в отделы народного просвещения... <...>

11) Виновные в неисполнении сего декрета подвергаются ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации всего их имущества и лишения свободы. <...>

5 октября 1918

В Петрограде и пригородных дворцах эксперты художественно-исторических комиссий имели, как правило, дело с предметами музейного уровня. Совершенно иная ситуация возникла в период «массовой национализации»: на склады и в хранилища обеих столиц хлынул поток вещей самого разнообразного качества — от исторических реликвий до банального «ширпотреба». Тогда-то и возникла необходимость создания различных по своему составу фондов — «Государственного музейного» (в 1919 году на Всероссийской музейной конференции по предложению И. Э. Грабаря было принято решение рассматривать национализированные собрания и коллекции всех музеев как единый Национальный музейный фонд, следствием чего стала постоянная реорганизация музеев, а их состав — «материалом для перегруппировки») и «Государственного фонда ценностей» (Гохрана).

Большевистская идея уничтожения непролетарских сословий затронула аристократию, купечество, духовенство и интеллигенцию. Одной из ее форм стала массовая национализация частной собственности. Но экспроприировать дворец или фабрику было проще, нежели отобрать картину или икону, обладание которыми пока еще оставалось неотъемлемым правом каждого гражданина. От оставленных прежними владельцами дворцов, усадеб и частных особняков власти обратились к содержимому сундуков и шкапулов советских граждан. Национализация вступила в следующую фазу.

При массовом выезде из страны тех, кто принадлежал к наиболее обеспеченным слоям населения, перед властями встала задача предотвратить вывоз «народного достояния». В сентябре 1918 года был издан декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины».

Однако гораздо более важным для дальнейших действий правительства стал декрет от 10 октября 1918 года «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины». Отныне всё, чем обладал каждый из жителей Советской России, попадало под тотальный контроль, оправдываемый благородными целями «возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины». Поводом для появления этого декрета стало изъятие у княгини

**Постановление Совета народных комиссаров
о порядке реквизиции и конфискации благородных металлов, денег и ценностей**

Об изъятии благородных металлов, денег и разных ценностей

1. Признать подлежащими конфискации <...> нижеследующие ценности независимо от количества таковых:

- а) платиновые, золотые и серебряные монеты;
- б) золото и платина в слитках и в сыром виде;
- в) процентные и дивидендные бумаги, кроме тех, которым на основании особых постановлений присвоено обращение наравне с денежными знаками;
- г) наличные денежные знаки в случае признания народным судом факта приобретения их для спекулятивных целей.

2. Признать подлежащими конфискации изделия из благородных металлов, кроме серебра, в том случае, если количество их превышает нижеследующие нормы, допускаемые для хранения у частных лиц в целях личного потребления и домашнего обихода:

- а) золотые и платиновые изделия весом свыше 18 золотников в общей сложности по расчету на одно лицо;
- б) изделия из серебра весом в общей сложности по расчету на одно лицо свыше трех фунтов;

в) бриллианты и другие драгоценные камни свыше в общей сложности 3-х каратов и жемчуг свыше 5 золотников на одно лицо.

3. Всякие суммы наличных денежных средств, хранящиеся у частных лиц и превышающие в общей сложности двадцатикратную минимальную тарифную ставку данной местности на одно лицо (независимо от образцов денег), подлежат аресту и принудительному внесению на текущие счета владельцев в государственные кассы.

4. Обо всех обнаруженных в порядке настоящего постановления вещах, ценностях и деньгах (ст. 1, 2 и 3) составляется немедленно акт ареста, в который точно заносится подробная опись всего обнаруженного, причем в отношении денежных знаков указывается количество денег, а также образцы их, в отношении благородных металлов и драгоценных камней их вес... Изъятые предметы передаются в трехдневный срок согласно акту описи в ближайшую кассу Народного комиссариата финансов, а в столице — в Государственное хранилище ценностей.

13 июля 1920

С. А. Мещерской картины итальянского художника эпохи Возрождения Сандро Боттичелли.

Каждый владелец художественной коллекции был обязан зарегистрировать ее в Музейном фонде. С этого момента вся информация о наличии у граждан произведений искусства попадала в Музейный отдел Наркомпроса, который возглавила Н. И. Седова — жена «второго человека» революции Л. Д. Троцкого. Музейный отдел Наркомпроса получил неограниченные полномочия: любой предмет из любого музейного собрания теперь мог беспрепятственно изыматься из состава собрания. Отношение к художественному наследию в это время среди «комиссаров от культуры» было крайне противоречивым. С одной стороны, к власти в массе своей пришли люди, которые в силу довольно низкого уровня образования не понимали значения и важности сохранения культурного наследия страны. А среди той части художественной элиты, которая приняла новую власть и пыталась оказывать на нее влияние в вопросах культуры, не было единой позиции по поводу послереволюционного переустройства художественной жизни страны. Так часть радикально настроенных деятелей культуры в ожидании «мировой революции» считала продажу десятка полотен Рембрандта пустяком в сравнении с великими целями, поставленными эпохой. Ценность

Рембрандта меньше не станет, «если он повисит где-нибудь в Европе, зато такой шаг даст нам возможность в короткие сроки построить социализм», — заявлял один из участников прошедшей в Петрограде в 1919 году музейной конференции, уверенный в том, что после «мировой революции» «все наше к нам вернется»⁵. «Охрана старины, реликвий предков и есть охрана капитала, а эти Бриллианты, Рембрандты, Рафаэли, Гобеллены (*sic!*) и исторической редкости марки и есть тот самый капитал, концентрирующий в себе колоссальную энергию масс пролетариата <...> Нам скажут: что мы будем делать, если потеряем наши ценные коллекции, — только по ним мы можем проверять и углублять наши познания и сознания! Ответим: зачем нам собирать и хранить метеоры прошлого, если у нас их столько же в будущем», — восклицал Петр Митурич⁶. «Наше дело двигать к новому и новому. Нам не жить в музеях. Наш путь лежит в пространстве, но не в чемодане изжитого. <...> Если мы не будем иметь собраний, тем легче уйти с вихрем жизни», — вторил ему Казимир Малевич⁷.

Эта сугубо художественная идея — избавиться от старого реакционного искусства — в умах советских государственных деятелей стала постепенно трансформироваться в задачу практическую. Ведь до этого времени продажи произведений искусства из музейных собраний по примеру Европы и Америки, где музеи таким образом зарабатывали деньги на приобретение новых экспонатов и освобождали свои коллекции от произведений низкого художественного достоинства, в России были скорее исключением, и уж точно никогда не были статьей дохода.

В Эрмитаже (правда, очень короткое время) существовал опыт продажи дублетов монет и медалей через аукционные фирмы в Европе. Вырученные от этих продаж суммы шли на пополнение нумизматического собрания и печатание каталогов медалей и монет. Печально известная продажа картин, предпринятая по повелению Николая I при подготовке к открытию Нового Эрмитажа, была осуществлена с целью освободить собрание от ненужных, по мнению императора, полотен. Специально назначенной комиссией были просмотрены все находящиеся в императорском собрании картины. Из них 1218 частично были отобраны и проданы через аукционы Прево в течение 1856 года.

Тем временем темпы национализации все нарастали. Особенно результативным оказался 1920-й, третий послереволюционный год.

Новые конфискационные декреты и постановления издавались один за другим: «О реквизициях и конфискациях», «Об изъятии благородных металлов, денег и разных ценностей», «О конфискациях и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля», «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени».

Экспертная комиссия, которую возглавлял А. М. Пешков (Максим Горький выступал во всех ее документах под своей настоящей фамилией), работала в Петрограде уже с зимы 1919 года. Ее задачей были сбор и оценка самых разнообразных предметов, имеющих художественное значение, будь то мебель или картины, а окончательной целью — отправка их за границу для продажи. Поэтому Горький активно настаивал на издании декрета о конфискации имущества эмигрантов и приравненных